

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 6

IN EXTREMIS

Глава 1. В ожидании смерти 23

Глава 2. Мужчина и женщина: две истории любви,
рассказанные в суде 69

Глава 3. «Ведьма» и ее адвокат 84

ИГРА В СЛОВА

Глава 4. Судьи и их тексты 119

Глава 5. Безумная Марион 152

Глава 6. Блудница и город 180

Глава 7. Сказка о Синей Бороде 221

Глава 8. Выбор Соломона 273

ЯЗЫК ЖЕСТОВ

Глава 9. Мертвец идет 315

Глава 10. Право на ошибку 342

О пользе фрагментарной рефлексии 363

Библиография 370

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда речь заходит о судебной власти эпохи позднего Средневековья, разговор ведется обычно в рамках институциональной истории или истории права. Специалистов в первую очередь интересует процесс складывания, развития и функционирования судебных институтов¹, а также изменения, которые происходили на протяжении конца XIII — XV в. в сфере судопроизводства и которые позволяют говорить о возникновении концепции светского (в частности, королевского) суда в странах Европы².

¹ Литература по этим вопросам поистине необозрима. Приведу названия лишь тех работ, которые имеют отношение к истории средневековой Франции, поскольку меня будет интересовать именно французская система судопроизводства: Guenée B. *Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen Age (vers 1380 — vers 1550)*. P., 1963; Autrand F. *Naissance d'un grand corps d'Etat. Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454*. P., 1981; Le juge et le jugement dans les traditions juridiques européennes. *Etudes d'histoire comparée* / Ed. par R. Jacob. P., 1996. На русском языке см. прежде всего: Цатурова С.К. *Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV в.* М., 2002; Она же. *Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков*. М., 2012.

² Boulet-Sautel M. *Aperçus sur le système des preuves dans la France coutumière du Moyen Age // La Preuve. Recueils de la Société Jean Bodin. Bruxelles, 1963–1965. T. 16–19. T. 17. P. 275–325; Bongert Y. Question et la responsabilité du juge au XIVe siècle d'après la jurisprudence du Parlement // L'Homage à R. Besnier. P., 1980. P. 23–55; Gauvard C. «De grace especial». *Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age*. P., 1991; Eadem. *Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Age // ВЕС. 1995. T. 153. P. 275–290; Eadem. Mémoire du crime, mémoire des peines. Justice et acculturation pénale en France à la fin du Moyen Age // Saint-Denis et la royauté. Etudes offertes à Bernard Guenée. P., 1999. P. 691–710; Eadem. *Discipliner la violence dans le royaume de France aux XIVe et XVe siècles: une affaire d'Etat? // Disciplinierung im Alltag des Mittelalters und der Frühen Neuzeit / Hrsg. von G. Jaritz. Wien, 1999. S. 173–204; Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles. P., 1993. P. 252–268.***

Данная работа также посвящена средневековому правосудию. Однако суд будет рассматриваться в ней не как государственный институт, но как место встречи представителей власти с ее подданными. Главной таким образом станет проблема *коммуникации*, контакта этих двух сил, их способность говорить друг с другом, обмениваться информацией. Как проходил подобный контакт? Как, на каком языке общались судьи и обвиняемые? Что они хотели сказать друг другу? Какими словами, посредством каких понятий и аналогий, при помощи каких жестов каждый из них пытался убедить окружающих в своей правоте? Эти вопросы представляются мне исследованными менее других в современной историографии, а потому именно они и будут интересовать меня прежде всего.

Проблема коммуникации судебной власти со своими подданными особенно остро, как мне представляется, стояла во Франции XIV–XV вв. С одной стороны, создание Парижского парламента (высшей судебной и апелляционной инстанции страны вплоть до второй половины XV в.) способствовало усилению здесь судебного аппарата. С другой стороны, связи центра с провинциями крайне ослабляла Столетняя война, сводившая практически на нет все попытки наладить судопроизводство в разоренных землях. Однако кроме политических существовали трудности и собственно правового характера.

Вследствие изменений в самой системе судопроизводства и перехода от обвинительной процедуры (*accusatio*, Божий суд) к инквизиционной (*inquisitio*, процедура следствия) расстановка сил кардинально изменилась: на свет явились те, кого называли судьями¹. Конечно, они существовали и раньше — но лишь как

¹ Основные этапы перехода к новой процедуре кратко изложены в: Chiffolleau J. Dire l'indicible. Remarques sur la catégorie du nefandum du XIIe au XVe siècle // AESC. 1990. № 2. P. 289–324; Fraher R.M. IV Lateran's Revolution in Criminal Procedure: the Birth of inquisitio, the End of Ordeals and Innocent III's Vision of Ecclesiastical Politics // Studia in honorem eminentissimi cardinalis Alphonsi M. Stickler / A cura di R.J. Castillo Lara. R., 1992. P. 97–111; Théry J. Fama: l'opinion publique comme preuve judiciaire. Aperçu sur la révolution médiévale de l'inquisitoire (XIIe–XIVe s.) // La preuve en justice, de l'Antiquité à nos jours / Sous la dir. de B. Lemesle. Rennes, 2003. P. 119–147; Parent S. Des procédures illégitimes? Polémiques et contestations juridiques autour des procès contre les rebelles italiens sous Jean XXII // Valeurs et justice. Ecarts et proximités entre société et monde judiciaire du Moyen Age au XVIIIe siècle / Sous la dir. de B. Lemesle et M. Nassiet. Rennes, 2011. P. 51–67.

скромные посредники между Богом (высшим и единственным Судией) и людьми. С переходом к инквизиционной процедуре судьи должны были (или, по крайней мере, надеялись) превратиться в главных действующих лиц любого процесса. Эти изменения в сфере права и правосознания происходили во Франции весьма болезненно: даже многие юристы не принимали новой процедуры, называя ее «глупой» (*folle justice*)¹. В этой ситуации судебным чиновникам было необходимо всеми способами убедить окружающих в своих властных полномочиях, в том, что суд земной — не просто *тоже* суд, но суд *par excellence*.

Речь прежде всего шла об уголовном суде, поскольку в нем противостояние судей и обвиняемых имело особое значение. В гражданских процессах обязательным было наличие третьего действующего лица — истца, что, как мы увидим дальше, далеко не всегда соблюдалось в процессах уголовных. Кроме того, уголовные преступления всегда рассматривались средневековым обществом (как и обществом любой другой эпохи) как наиболее опасные. Следовательно, именно эти процессы давали судьям возможность утвердиться в своей новой роли гарантов мира и спокойствия.

Чтобы донести эту мысль до окружающих, судебная власть использовала самые разные способы. К ним можно отнести, в частности, требование публичности судебных заседаний, на которых зрители могли сами наблюдать за свершением правосудия²; введение института обязательного признания обвиняемого, которое также слышали все присутствующие на процессе³; тщательно продуманный ритуал наказания, когда виновность того или иного человека, его социальная опасность подчеркивались не только при помощи визуального ряда (позой, одеждой, действиями и жестами), но и при помощи рече-слуховой фиксации — зачитывания

¹ Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon. P., 1899, 1900. 2 vols. § 1585.

² Тогоева О.И. Пытка как состязание: преступник и судья перед лицом толпы (Франция, XIV в.) // Право в средневековом мире / отв. ред. О.И. Варьяш. СПб., 2001. С 69–76.

³ О введении в средневековых судах обязательного признания см. подборку статей в: L'Aveu. Antiquité et Moyen Age / Actes de la table-ronde de l'Ecole française de Rome. Rome, 1986.

вслух состава преступления и приговора¹. От подданных таким образом требовалось лишь *согласиться* с законностью того или иного принятого решения. Достижение этого согласия и стало основной заботой средневековых судей в изменившихся условиях.

Как отмечал Роже Шартье, авторитет власти в любом обществе зависит от степени доверия, которое испытывают (или не испытывают) окружающие к предлагаемым ею саморепрезентациям². А потому вполне естественно было бы ожидать, что образ, который судебная власть во Франции XIV–XV вв. предъявляла своим подданным, представлял собой нечто, скорее, желаемое, нежели действительное, а потому в большой степени *фиктивное*. Причем выстраивание этого образа оказывалось в первую очередь связано именно с текстами, с языком, которым власть оперировала и вне которого она просто не могла существовать³. Соглашались ли обыватели с предлагаемой им репрезентацией? Ответить на этот вопрос сложно. И это также связано с особенностями средневековых правовых текстов, слишком редко предоставляющих нам подобную информацию.

¹ См., например: Bee M. Le spectacle de l'exécution dans la France d'Ancien Régime // AESC. 1983. № 4. P. 843–862; Spierenburg P. The Spectacle of Suffering. Executions and the Evolution of Repression from a Preindustrial Metropolis to the European Experience. Cambridge; L., 1984; Gauvard C. Pendre et dépendre à la fin du Moyen Age: les exigences d'un rituel judiciaire // Histoire de la justice. 1991. № 4. P. 5–24; La peine. Recueils de là Société Jean Bodin. Bruxelles, 1991; Moeglin J.-M. Harmiscara-Harmschar-Hachée. Le dossier des rituels d'humiliation et de soumission au Moyen Age // Archivium Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange). 1996. № 54. P. 11–65; Мёглен Ж.-М. «С веревкой на шее, с розгами в руках...». Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2006 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 120–154; Жакоб Р. Когда судьи показывают язык // Там же. С. 193–234.

² Chartier R. Histoire et littérature // Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et incertitudes et inquiétude. P., 1998. P. 269–287; Шартье Р. Новая культурная история // Homo historicus: К 80-летию Ю.Л. Бесмертного. М., 2003. С. 271–284.

³ Baker K.M. Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge, 1990. P. 5, 9.

Наиболее ценны, с этой точки зрения, протоколы конкретных дел, дающие возможность «услышать» голоса не только судей, но и обвиняемых и свидетелей, «увидеть» их в зале суда. Собственно, с попытками французских чиновников в новых правовых условиях наладить диалог с подданными и была связана их особая забота о составлении и хранении судебных документов. Первые робкие попытки их создания относятся к 60-м годам XIII в.¹, однако с течением времени записи становились все более полными и детализированными. Это особенно заметно по регистрам Парижского парламента: если самые первые уголовные дела, содержащиеся здесь², занимали всего по несколько строк, то к концу XIV в. описание почти любого процесса требовало уже нескольких фолио³. Предпринимались также попытки обобщения накопленного опыта, и от XIV в. до нас дошли две выборки наиболее интересных (с точки зрения авторов этих сборников) дел: «Признания уголовных преступников и приговоры, вынесенные по их делам»⁴ и «Уголовный регистр Шатле»⁵.

Как мне представляется, именно регистр Шатле в большей степени, нежели какие-то иные источники, дает возможность понять, что же происходило в стенах средневекового суда; как вели себя люди, попавшие в столь экстремальные условия; как они защищали себя и пытались противостоять судьям; какие стратегии поведения использовали. Уникальность этого документа на фоне прочих французских судебных регистров эпохи позднего Средневековья заставляет остановиться на истории его создания и изучения подробнее.

¹ Guilhiermoz P. De la persistance du caractère oral dans la procédure civile française // NRHDFE. 1889. № 13. P. 21–65.

² Archives Nationales de la France. Série X — Parlement de Paris. X 2 — Parlement criminel. X 2a — Registres criminels. X 2a 1–X 2a 5 (1314–1350).

³ X 2a 6–X 2a 9 (1352–1382).

⁴ Сборник дел, рассмотренных в Парижском парламенте: Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971.

⁵ Сборник дел, рассмотренных в суде королевской тюрьмы Шатле в Париже: Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. P., 1861, 1864. 2 vol. (далее везде: RCh, том: страница).

Регистр Шатле был составлен в конце XIV в. секретарем суда по уголовным делам Аломом Кашмаре¹. Появление регистра, возможно, ускорили письма Карла VI, направленные 20 мая 1389 г. парижскому прево (главному королевскому судье столицы) с приказом арестовывать убийц, воров, фальшивомонетчиков на территории всей страны, независимо от того, под чью юрисдикцию они попадали, немедленно проводить следствие и выносить приговоры. Таким образом, в регистре оказались описаны 107 образцово-показательных процессов, на которых приговор был вынесен 124 обвиняемым. Естественно, Алом Кашмаре включил в свой сборник далеко не все дела, которые были рассмотрены в Шатле в 1389–1392 гг. Его произведение представляло собой *авторскую* выборку, что обуславливало фрагментарный характер отраженной в нем действительности и в высшей степени индивидуальное ее видение. Исследователи полагают, что регистр создавался как своего рода учебник по судопроизводству, как образец для подражания, и предназначался для рассылки в королевские суды по всей территории Франции².

Цель, которую преследовал Алом Кашмаре, можно назвать двоякой. Во-первых, в его сборнике давалось представление о наиболее опасных для королевской власти и общества типах уголовных преступлений (воровстве, так называемых политических преступлениях, избиениях, убийствах, колдовстве, сексуальных преступлениях) и о методах борьбы с ними. Во-вторых, отдельные судебные казусы были призваны проиллюстрировать силу королевского законодательства в самых различных сферах общественной жизни: в борьбе с проституцией, в прекращении

¹ Сведения об авторе регистра Шатле были собраны его издателем А. Дюплес-Ажье: RCh, I: VII–XXIII.

² О политическом значении регистра см.: Gauvard C. La criminalité parisienne à la fin du Moyen Age: une criminalité ordinaire? // Villes, bonnes villes, cités et capitales. Mélanges offerts à B. Chevalier. Tours, 1989. P. 361–370; Eadem. La justice penale du roi de France à la fin du Moyen Age // Le pénal dans tous ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles) / Sous le dir. de X. Rousseaux et R. Levy. Bruxelles, 1997. P. 81–112.

частных вооруженных конфликтов, в восстановлении разоренных войной парижских виноградников, etc.¹

Традиция изучения регистра Шатле неразрывно связана с особенностями французской школы истории права, к которой следует отнести и работы некоторых иностранных ученых, в силу своих научных интересов подвергшихся волей или неволей ее сильному влиянию. Она также связана с общими принципами прочтения и использования таких специфических источников по истории Средневековья как документы судебной практики. Приступая к изучению подобных текстов — будь то письма о помиловании (*lettres de rémission*), протоколы заседаний (*procès-verbaux*) или приговоры (*arrêts*) — первое, что всегда отмечали ученые-медиевисты, это их *серийный* характер. К такому восприятию подталкивала сама традиция составления регистров, те функции по кодификации права, которые на них возлагались. Отдельные по сути своей документы понимались как нечто единое, предполагающее изучение *en masse*. Такой подход почти автоматически приводил к тому, что исследователь, иногда сам того не замечая, а чаще всего полностью отдавая себе в этом отчет, оказывался в состоянии выделить лишь нечто более или менее типичное, повторяющееся — то, что всегда лежало на поверхности. Именно так изучались особенности процессов над ведьмами², изворотливость составителей писем о помиловании³ или, к примеру, общая направленность папского судопроизводства⁴. Подобные макроисследования ни в коем случае нельзя оценивать негативно, они нормальны и закономерны с точки зрения тех задач, которые ставят перед собой их авторы.

Что же касается непосредственно регистра Шатле, то число ученых, обращавшихся к нему в своих работах весьма велико, однако я остановлюсь лишь на двух из них, поскольку толь-

¹ Подробнее см. ниже: Глава 8. «Выбор Соломона».

² Soman A. Sorcellerie et justice criminelle: le Parlement de Paris (XVIe–XVIIIe siècles). L., 1992.

³ Davis N.Z. Pour sauver sa vie. Les récits de pardon au XVIe siècle. P., 1988; Gauvard C. «De grace especial».

⁴ Chiffolleau J. Les justices du Pape. Delinquance et criminalité dans la region d'Avignon au XIVE siècle. P., 1984.

ко они сделали этот источник основным для своих исследований. Польский историк Бронислав Геремек, первым, по большому счету, введший сборник Алома Кашмаре в современный научный оборот, использовал его для построения собственной теории «маргинальности»¹. Неверно оценивая регистр как серийный источник (а не как авторскую выборку), он сделал упор на его типичности и провел знак равенства между средневековым миром преступности и низами общества, между правонарушителями и маргиналами. Столь общая постановка проблемы не позволила Б. Геремеку выделить такое очевидное направление исследования, как анализ социального происхождения *каждого из героев* Алома Кашмаре, что могло бы навести его на диаметрально противоположные выводы.

Французская исследовательница Клод Говар, обратившаяся к регистру Шатле через 15 лет после выхода в свет «Маргиналов»², совершенно справедливо критиковала их автора за ошибочную оценку характера данного источника. Однако в том, что касается социальной истории, она недалеко ушла от своего польского коллеги. Основной упор К. Говар сделала на рассмотрении средневекового правосознания через понятие «оскорбленного достоинства» (*honneur blessé*) и приходила к выводу, что подобное понимание преступления было характерно абсолютно для всех социальных слоев общества того времени. Столь обобщенное видение исторических процессов также неизбежно смещало акцент исследования в сторону типичного: типичных стычек, ссор, ранений, убийств — и, как ответ на них, типичных наказаний с раз и навсегда определенным ритуалом, восстанавливающим честь и достоинство потерпевшего.

Важным компонентом исследовательского инструментария обоих ученых являлись количественные методы анализа. В изображении Б. Геремека и К. Говар средневековое общество рисовалось строго ранжированным на отдельные группки, поделенные по степеням отношения (выраженного в количественном и процентном отношении) к событиям, фактам и явлениям, отображенным авторами. Для

¹ Geremek Br. *Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles*. P., 1991 (11976).

² Gauvard C. «De grace especial».

мыслей и чувств отдельных индивидов в этой стройной и строгой системе оставалось мало места, впрочем, их анализ и не предполагался самой постановкой проблемы. Конкретные же люди представляли собой лишь часть целого: если существовал один, следовательно, имелись и многие другие — точно такие же. Личность человека описывалась в исследованиях этих авторов только как *объект* отношений, но не как *субъект*. В таком подходе чувствовалась осмысленная на новом уровне исторического знания и на новых типах источников методология неполной дискурсивности Мишеля Фуко.

Для Фуко человек и его тело также всегда оставались объектными. Это было тело/объект, в терминологии Валерия Подороги: «Живое тело существует до того момента, пока в действие не вступает объективирующий дискурс, т.е. набор необходимых высказываний, устанавливающих правила ограниченного существования тела»¹. В своих многочисленных работах Мишель Фуко рассматривал разные типы тел/объектов: «тела психиатризованные, тела любви, подвергшиеся наказанию и заключению, тела послушные, бунтующие, проклятые...»². Объективирующий эти тела дискурс мог быть самого разного происхождения, но его целью оставалось всегда одно и то же — превращение человеческого тела в машину, «не имеющую собственного языка», полностью находящуюся во власти языка, подавляющего ее³.

Наиболее показателен в этом плане небольшой сборник статей М. Фуко и его коллег, посвященный уголовному процессу начала XIX в. над неким Пьером Ривьером, убившим своих мать, сестру и брата⁴. Для Фуко обвиняемый представлял собой «мифическое чудовище, которое невозможно определить словами, потому что оно чуждо любому утвержденному порядку». Процесс над Ривьером, с точки зрения М. Фуко, возможно было описать исключительно с помощью двух взаимосвязанных дискурсов: языка права и языка психиатрии, т.е. в конечном итоге с позиции власти, но никак не с позиции самого обвиняемого, поскольку тело/объект, с его точки зре-

¹ Подорога В. Феноменология тела. М., 1995. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 22.

⁴ *Moi, Pierre Rivière, ayant egorgé ma mère, ma soeur et mon frère. Un cas de parricide au XIXe siècle, édité et présenté par M. Foucault. P., 1973.*

ния, не существовало без внешнего ему субъекта/наблюдателя. Личность преступника, таким образом, полностью исчезала из повествования, ибо высказывания этого человека, его собственное видение происходящего Мишелем Фуко сознательно не рассматривались. Он, собственно, даже не ставил вопрос, зачем судьям понадобилась объяснительная записка Пьера Ривьера о мотивах совершенного им преступления: Фуко и его коллеги поясняли свою позицию тем, что подобный анализ мог бы считаться «насилием» над текстом. Но, сбрасывая со счетов главное действующее лицо процесса, не учитывая особенности его мировосприятия, они совершали еще большее насилие — насилие над исторической действительностью.

* * *

От подобной оценки судебного процесса, когда дискурс обвиняемого включался в дискурс обвинителя и тем самым уничтожался, предостерегал в свое время Ролан Барт. В эссе с характерным названием «Доминиси, или Торжество литературы» он обращался к проблеме несводимости двух дискурсов к единому знаменателю: «Чтобы перенестись в мир обвиняемого, Юстиция пользуется особым опосредующим мифом, имеющим широкое хождение в официальном обиходе, — мифом о *прозрачности и всеобщности языка*... И такой “общечеловеческий” язык безупречно сопрягается с психологией господ; она позволяет ему всякий раз рассматривать другого человека как объект, одновременно описывая его и осуждая. Это психология прилагательных, которая умеет лишь присваивать своим жертвам определения и не может помыслить себе поступок, не подогнав его под ту или иную категорию виновности. Категории эти — хвастливость, вспыльчивость, эгоизм, хитрость, распутство, жестокость; любой человек существует лишь в ряду “характеров”, отличающих его как члена общества... Такая утилитарная психология выносит за скобки все состояния, переживаемые сознанием, и притязает при этом объяснять поступки человека некоторой исходной данностью его внутреннего мира; она постулирует “душу” — судит человека как “сознание”, но прежде ничтоже сумняшеся описывает его как объект»¹.

¹ Барт Р. Доминиси, или Торжество литературы // Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 94–97, здесь с. 96.